

КРИТИКА Г.Г. ШПЕТОМ «ИСТОРИИ» У И. КАНТА

А. Н. Круглов¹

В работе 1916 г. «История как проблема логики» Г. Г. Шпет предпринимает попытку реконструкции целостной кантовской исторической концепции, фрагментарно рассыпанной по различным статьям и небольшим работам критического периода. Реконструкция выстраивается Шпетом вокруг кантовской работы «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», а главное внимание уделяется априорной нити в истории, а не эмпирической истории. Общая оценка Шпетом вклада Канта в развитие исторической науки резко негативная: кантианство враждебно историзму и явилось помехой на пути развития истории как науки. Безусловным достоинством исследования Шпета является демонстрация исторического контекста взглядов Канта, для чего Шпет анализирует работы Хр. Вольфа, Хр. А. Крузия, Г. Ф. Майера, И. Г. Гердера и других европейских мыслителей, а также разбор кантовского понятия человечества (*Menschheit*). Но при этом для позиции Шпета характерно нечеткое различение представления Канта об истории как историческом процессе (*Geschichte*) и кантовского понятия истории как исторической науки (*Historie*), а также недостаточное привлечение этических трактатов Канта для прояснения его взглядов на историю и ее цели.

Ключевые слова: история, историческая наука, априорная нить в истории, методология истории, Шпет, Кант, Гердер

Несмотря на то что в критический период И. Кант неоднократно обращал свой взор на проблемы истории и даже написал ряд статей, посвященных этой проблематике, она все же оставалась у него на обочине его главных философских интересов. Тем не менее то немно-

¹ Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6.
Поступила в редакцию: 10.07.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-2-3

GUSTAV SHPET'S CRITIQUE OF KANT'S "HISTORY"

A. N. Krouglov¹

In his 1916 book, *History as a Problem of Logic*, Gustav Shpet undertakes the task of reconstructing the whole Kantian conception of history, previously scattered in various articles and minor works of the critical period. He builds the reconstruction around Kant's *Idea for a Universal History from a Cosmopolitan Perspective*, with a focus on the a priori 'thread' in history and not empirical history. Shpet's general assessment of Kant's contribution to the development of historical science is sharply negative: Kantianism is hostile to historicity, and it hinders the development of history as a science. An undeniable merit of Shpet's investigation is that he demonstrates the historical context of Kant's views – to which end he brings in the works of Christian Wolff, Christian August Crusius, Georg Friedrich Meier, Johann Gottfried Herder, and other European thinkers – analysing, as well, the Kantian concept of mankind (*Menschheit*). But Shpet does not clearly distinguish Kant's conception of history as an historical process (*Geschichte*), and historical science. Further, he pays insufficient attention to Kant's ethical treatises in clarifying his views on history and its goals.

Keywords: history, historical science, a priori history, methodology of history, Shpet, Kant, Herder

Although Kant, in his critical period, repeatedly addressed the topic of history, even writing a series of articles devoted to its problems, it was generally marginal with respect to his philosophical interests. Even so, the little that he did say about history in the last twenty years of his life had some resonance,

¹ Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia.
Received: 10.07.2024.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-2-3

гое, что Кант за последние двадцать лет своей жизни высказал об истории, вызвало некоторый резонанс — правда, преимущественно в среде философов, а не историков. Довольно рано среди исследователей творчества Канта встал вопрос о том, в какой мере статьи и отдельные рассуждения Канта можно соотнести с основными выводами его критической философии, высказанными главным образом в «Критике чистого разума», и дискуссии на эту тему продолжают по настоящее время.

Г. Г. Шпет обратился к кантовским представлениям об истории более столетия назад, а основные итоги его размышлений нашли свое отражение в обстоятельной работе «История как проблема логики», первая часть которой впервые была опубликована в 1916 г. (см.: Шпет, 2014). И хотя Кант не является главным героем данного произведения — ему посвящена лишь большая часть завершающей пятой главы, — сказанного здесь Шпетом вполне достаточно, чтобы оценить сильные и слабые стороны его взгляда на Канта.

В своей книге Шпет исследует многочисленные эпизодические высказывания Канта об истории, практически ничего не упуская из виду. В результате ему удастся систематизировать эти фрагменты, фактически реконструируя или даже создавая нечто вроде исторической концепции Канта, которой у кёнигсбергского философа в эксплицитном виде не имелось. Центром реконструкции для Шпета стала кантовская статья «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане»², увидевшая свет в 1784 г. в «Берлинском ежемесячнике» (см.: AA 08, S. 15–31; Кант, 2024). О корректности такой реконструкции, разумеется, можно спорить, однако в любом случае русским философом была проделана кропотливая и неординарная работа. Нельзя сказать,

² Шпет переводит название кантовской статьи иначе: «Идея всеобщей истории в космополитическом отношении» (Шпет, 2014, с. 299, 303 примеч., 304 примеч.; курсив мой — А.К.). См. об этом также: (Микешина, 2018, с. 136).

albeit mainly with philosophers and not historians. Fairly early on, Kant scholars grappled with the question of to what extent Kant's articles and isolated statements correspond to the main conclusions of his critical philosophy — expressed above all in the *Critique of Pure Reason* — a discussion that continues to this day.

Gustav G. Shpet turned his attention to Kant's ideas about history more than a century ago, setting forth his reflections in a substantial work, *History as a Problem of Logic*, of which the first part was published in 1916 (cf. Shpet, 2014). Although Kant is not the main subject of this work — only the greater part of chapter five is devoted to him — what is included is quite enough with which to assess the strengths and weaknesses of Shpet's view of Kant.

In his book, Shpet examines Kant's numerous, scattered remarks on history. He systematizes these fragments, reconstructing or creating something like a Kantian conception of history which Kant himself never explicitly set forth. Central to Shpet's reconstruction is Kant's article, "Idea for a Universal History from a Cosmopolitan Perspective",² published in 1784 in "*Berlinische Monatsschrift*" (IaG, AA 08, pp. 15-31). While the accuracy of this reconstruction is debateable, we can safely credit the Russian philosopher with his painstaking and far from ordinary workmanship. This is not to say that there were no such works in Kant scholarship before Shpet wrote his study; indeed, Shpet himself cites Paul Menzer's book, *Kant's Doctrine of the Development in Nature and History* (Menzer, 1911). Still, in spite of some precedents, for the beginning of the twentieth century, Shpet's book about Kant was innovative.

² Shpet (2014, pp. 299, 303n, 304n) translates '*weltbürgerlich*' into Russian as 'cosmopolitan', whereas until now the expression 'world citizen' has been preferred. See also Mikeshina (2018, p. 136).

что ко времени написания исследования Шпета подобного рода сочинений в кантоведении не имелось вовсе — Шпет и сам ссылается на произведение Пауля Менцера «Кантовское учение о развитии в природе и истории» (Menzer, 1911). Но несмотря на отдельные прецеденты, книга Шпета для начала XX в. в отношении Канта была все же достаточно новаторской.

В реконструкции Шпетом кантовских представлений об истории следует обратить внимание на некоторые характерные особенности. Во-первых, Шпет недвусмысленно ставит акцент на априорной истории, эмпирическая же история при этом отходит на второй план. В целом это соответствует тому подходу, который предлагал и сам Кант, совершенно неожиданно для своих читателей начавший рассуждать с середины 1780-х гг. о некоей априорной нити в истории. Во-вторых, поскольку Кант появляется главным образом лишь в пятой главе книги, он оказывается вписанным в широкий исторический контекст, и этим книга Шпета выгодно отличается от большинства работ об истории у Канта, написанных на русском языке, вплоть до наших дней. В исследовании Шпета в главах со второй по четвертую дана характеристика представлений об истории таких важных предшественников Канта, как Христиан Вольф, Христиан Август Крузий и Георг Фридрих Майер. Не забыты при этом и столь релевантные для проблемы истории у Канта немецкие современники философа, как Иоганн Николаус Тетенс и, в первую очередь, Иоганн Готфрид Гердер³. Это одна из наиболее сильных сторон сочинения Шпета. В-третьих, книга Шпета оказалась довольно редкой работой, в которой всерьез обсуждается понятие человечества (*Menschheit*) у Канта (см.: Шпет, 2014, с. 285–301, 311–313). Этому способствовало со-

³В более позднее время на русском языке исторический спор Гердера и Канта был отражен в исследовании А. В. Гулыги (Гулыга, 1963). Уже в нынешнем веке этот спор, равно как и кантовские представления об истории, затронул в своей монографии Э. Ю. Соловьев (Соловьев, 2005).

Let us note some characteristics of Shpet's reconstruction of the Kantian view of history. First, Shpet's clear focus is *a priori* history, leaving empirical history in the background. On the whole, this is in line with the approach of Kant himself who, in the mid-1780s, unexpectedly for his readers, began speaking about some kind of an *a priori* thread in history. Secondly, because Kant does not crop up until the book's fifth chapter, he is already set in a broad historical context, which distinguishes Shpet's book favourably from the majority of Russian-language works about Kant's history, down to our own day. Chapters two through four characterize the views on history of such important forerunners of Kant as Christian Wolff, Christian August Crusius, and Georg Friedrich Meier. Such German contemporaries of Kant as Johann Nicholas Tetens and, above all, Johann Gottfried Herder, too, get their share of attention.³ This is one of the strengths of Shpet's work. Thirdly, Shpet's is one of the few works that seriously discuss Kant's concept of mankind (*Menschheit*) (cf. Shpet, 2014, pp. 285-301, 311-313). This is partly due to the fact that Shpet compares Kant's views with those of Herder, who placed the concept of mankind, as well as that of humanity (*Humanität*), at the centre of his *Ideas for the Philosophy of the History of Mankind*. Despite the key role the concept of mankind plays in Kant's theoretical and, even more so, practical philosophy, it was for a long time a kind of blind spot in Kant scholarship, with significant works on the topic beginning to appear only in the past few decades (see Chaly, 2021, pp. 327-343). Shpet appreciated the importance of this Kan-

³In the Russian-language literature of more recent times, the historical debate between Herder and Kant was reflected by Arseniy V. Gulyga (1963). Already in this century, the debate, as well as Kantian ideas of history, were addressed in a monograph by Erikh Yu. Solovyov (2005).

поставление Шпетом взглядов Канта со взглядами Гердера, который в центр своих «Идей к философии истории человечества» поставил как понятие человечества, так и понятие гуманности (Humanität). Несмотря на ключевую роль, которую понятие человечества играет как в теоретической, так и особенно в практической философии Канта, оно долгое время оставалось в какой-то мере слепым пятном кантоведения, и заметные исследовательские работы на эту тему стали появляться лишь в последние десятилетия (см. об этом: Chaly, 2021, p. 327–343). Шпет же оценил важность этого кантовского понятия еще в начале XX в., хотя все же не стал переходить при этом от проблем истории к проблемам этики.

Но если говорить об общих оценках Шпетом роли Канта в развитии исторических представлений и исторической науки, то они неутешительны. Согласно Шпету, Кант сводит конечную цель истории (и природы) к достижению юридических и политических целей. Шпет отвергает позицию Канта, согласно которой «философия истории, как рациональное учение об истории, невозможна; наука истории, как собственно наука – невозможна; самое большее, что здесь возможно, это – описание и систематическое изображение во времени и месте, далекое от ранга науки» (Шпет, 2014 с. 307). Шпет полагает, что кантовская «точка зрения» (Там же, с. 316, 341) на историю оказалась полностью бесплодной, поскольку исходила из совершенно ошибочных оснований. Причем исходные предпосылки Канта «оказались вредными и для него самого, и... для его последователей» (Там же, с. 319). Шпет подчеркивает, что Кант включает в свою философию истории совершенно чуждые истории элементы, в силу чего она превращается в некую абстракцию и систему. Все это в конечном счете приводит к уничтожению объективного исследования и к субъективизму в дурном смысле слова (Там же, с. 340–341).

Шпет отмечает, что история как наука, равно как и сам исторический процесс, не находит

тиан concept back in the early twentieth century – although he stopped short of passing on from the problems of history to the problems of ethics.

As for Shpet's overall assessment of Kant's role in the development of historical ideas and historical science, it is not comforting. As Shpet sees it, Kant reduces the end goal of history (and nature) to the attainment of legal and political goals. Shpet (2014, p. 307) rejects Kant's view that "*the philosophy of history as a rational teaching is impossible; the science of history as a science proper is impossible; the most that is possible is a description and detailed portrayal in time and space, which is a long way away from the rank of history*". Shpet claims that the Kantian "viewpoint" (*ibid.*, pp. 316, 341) on history is ultimately barren due of its misconceived foundations. Moreover, Kant's starting premises, "turned out to be harmful for himself and [...] his followers" (*ibid.*, p. 319). Shpet stresses that Kant includes in his philosophy of history elements that are totally alien to history, owing to which it becomes an abstraction and a system. All this ultimately destroys objective investigation and leads to subjectivism, in the bad sense of the term (*ibid.*, pp. 340-341).

Shpet holds that neither history as a science nor the actual historical process lends itself to a satisfactory explanation if one proceeds from the key propositions of Kant's critical philosophy. Whereas Kant's philosophy seeks the foundation of science in recurrent phenomena, history, in contrast, has to do with the non-repeatable, inconstant, and accidental. In the Baden Neo-Kantianism which thrived at the time that Shpet was writing his book, this proposition is an important stimulus for the development of the special method of history and science of culture/spirit. But all this remains irrelevant for Kant and his reflections

удовлетворительного решения исходя из ключевых установок кантовской критической философии. Если кантовская философия ищет основание и опору для науки в повторяющихся явлениях, то история, напротив, имеет дело с чем-то неповторяющимся, с непостоянным и случайным. В интенсивно развивавшемся во времена написания книги Шпета баденском неокантианстве эта констатация послужила важным стимулом для развития особого метода истории и наук о культуре / о духе. Но для самого Канта и его рефлексии об истории все это остается нерелевантным, поскольку в рамках его философии этот конфликт может быть разрешен либо лишением истории специфичности и редукции ее к иным, естественным наукам, либо же и вовсе элиминацией истории из состава наук. Согласно Шпету, «в особенности для Канта история является уничтожающим аргументом против его принципов, так как здесь не только не может быть речи об “априорных синтетических суждениях”, но — что, может быть, еще важнее, — здесь ни с какой стороны не может быть приложен критерий истины в виде необходимости и общегодности суждений» (Там же, с. 347–348). Подводя некоторые итоги, Шпет подчеркивает, что, несмотря на принципиальную враждебность кантианства историзму, Кант и его философия не смогли задержать развития самой исторической науки — оно идет своим собственным путем. И все же совсем безобидной кантовская критическая философия для исторической науки, по Шпету, не осталась: «...поскольку существует взаимодействие между различными областями знания и поскольку лучшие представители специальных наук всегда прислушивались к голосу философии и даже действуют в направлении той или иной современной философии, поскольку вообще историческая методология зависит от философских предпосылок, постольку кантианство было помехой и для науки истории» (Там же, с. 349).

Но несмотря на упомянутые выше сильные стороны подхода Шпета к реконструкции кан-

about history, since, within his philosophical framework, this conflict can be resolved either by stripping history of its special character and reducing it to other, natural sciences, or by dropping history from the category of science. According to Shpet, “especially for Kant history is a devastating argument against his principles because here not only there can be no question of ‘a priori synthetic judgments’, but even more importantly, there is no way the criterion of truth in the shape of necessity and universal utility of judgement can be applied” (*ibid.*, pp. 347-348). Shpet draws the interim conclusion that, despite Kantianism’s deep-seated hostility toward historicity, Kant and his philosophical influence could not hold back the development of historical science, which follows its own path. Still, Shpet admits that Kantian critical philosophy was not entirely harmless with respect to historical science: “[...] because there is interaction between different areas of knowledge and because the foremost representatives of the specialized sciences have listened to the voice of philosophy and even acted in line with this or that modern philosophy, inasmuch as historical methodology depends on philosophical premises Kantianism has been a hindrance to the science of history” (*ibid.*, p. 349).

Notwithstanding the above-mentioned strengths of Shpet’s approach to the reconstruction of Kant’s views on history, some weaknesses and omissions creep in. The first of these is that, in analysing Kant, Shpet does not clearly distinguish between history as an historical process (*Geschichte*), and history as a science (*Historie*). In Kant, especially in the 1780s, we find some reflections on history (*Geschichte*), as well as *philosophical* attempts to penetrate the depths of world history (*Weltgeschichte*) (*laG*, AA 08, pp. 29-30). This in fact accounts for the German philosopher’s frag-

товских воззрений на историю, в нем проявляются и определенные слабости и упущения. Первое из них касается отсутствия у Шпета при анализе Канта четкой дистинкции между историей как историческим процессом (*Geschichte*) и историей как исторической наукой (*Historie*). У Канта — особенно в 1780-е гг. — имеется некоторое число размышлений об истории (*Geschichte*), а также о философских попытках проникнуть вглубь всемирной истории (*Weltgeschichte*) (AA 08, S. 29–30; Кант, 2024, с. 44–47), которые как раз и породили у немецкого философа фрагменты об априоризме (AA 08, S. 18, 29–30; Кант, 2024, с. 32, 44–47) в экзотическом с точки зрения итогов «Критики чистого разума» разделе. Но подобное рассмотрение совершенно недвусмысленно противопоставляется Кантом «только эмпирически составляемой истории (*Historie*)» в собственном смысле (AA 08, S. 30; Кант, 2024, с. 46). Если и задаваться вопросом о том, интересуется ли Канта историческая наука как таковая, то в лучшем случае можно указать на подобные замечания об эмпирических описаниях истории (*Historie*), которые, будучи обозначенными, исключаются Кантом из его дальнейших философских размышлений. Вероятно, подобная история (*Historie*) состоит из апостериорно-синтетических суждений, и задавать какой-то специальный вопрос о возможности таковой истории как науки после «Критики чистого разума» не имеет смысла, поскольку здесь отсутствует какая-либо проблема. Говоря об априорной истории, об «априорной путеводной нити» всемирной истории (AA 08, S. 30; Кант, 2024, с. 46), Кант подразумевал проникновение «взором в тайный механизм» устройства природы (AA 08, S. 29; Кант, 2024, с. 45), который, быть может, откроют для себя будущие Кеплеры и Ньютоны (см.: AA 08, S. 18; Кант, 2024, с. 32). В этом случае мы смогли бы говорить не только о прошлом, но и в определенной мере прогнозировать и предсказывать будущее, открывая «утешительную перспективу грядущего» (AA 08, S. 30; Кант, 2024, с. 46).

ments about apriorism (*ibid.*, pp. 18, 29–30) which appear odd in view of the overall results of the *Critique of Pure Reason*. But Kant unequivocally contrasts this view with *Historie*, or “accounts of actual history that are merely empirically grounded” (*IaG*, AA 08, p. 30; Kant, 2006, p. 16). If we are to seriously ask ourselves whether Kant is interested in historical science as such, we can do no better than point to the remarks about historical accounts of history (*Historie*) which Kant mentions but does not pursue. Apparently, such history (*Historie*) consists of *a priori* synthetic judgments, such that it makes no sense to ask about the possibility of such a history as a science because there is no problem there. Speaking about history *a priori*, the “guiding thread *a priori*” of world history (*ibid.*), Kant had in mind the understanding of the “secret mechanism of nature’s organization” (*IaG*, AA 08, p. 29; Kant, 2006, p. 15), which future Keplers and Newtons would perhaps discover (*cf. IaG*, AA 08, p. 18). In this case, we can speak not only about the past but to some degree forecast and predict the future, discovering “a consoling outlook on the future” (*IaG*, AA 08, p. 30; Kant, 2006, p. 16).

By Shpet’s account, Kant’s intent appears somewhat different: Kant “asks how a philosophy of history (resp. a science of history) is possible and answers how the historical process is possible” (Shpet, 2014, p. 343). Strictly speaking, the ‘philosophy of history’ is Herder’s term (Herder, 1977); although Kant at least speaks about “[a] philosophical attempt to describe the universal history” (*IaG*, AA 08, p. 29; Kant, 2006, p. 14). But Kant does not ask about the possibility of history as a science. His minor works of the 1780s devoted to historical problems may at times sound ambiguous, but he never raises the question about history as a science and its possibility in the second edi-

В истолковании же Шпета замысел Канта предстает несколько иначе: Кант «спрашивает, как возможна философия истории (resp. наука истории), а отвечает, как возможен исторический процесс» (Шпет, 2014, с. 343). Строго говоря, философия истории — термин Гердера (Гердер, 1977), хотя и Кант как минимум говорит о «философской попытке разработать всеобщую всемирную историю» (AA 08, S. 29; Кант, 2024, с. 44). Но Кант не задавал вопрос о возможности истории как науки. И хотя его небольшие работы 1780-х гг., посвященные исторической проблематике, порой и звучат весьма двусмысленно, три вопроса о возможности наук во втором издании «Критики чистого разума» (B 20–22; Кант, 2006, с. 73–77) вопросом об исторической науке им никогда не дополнялись. Вопрос об истории как науке и ее возможности — это законный вопрос Шпета. Но к совокупности кантовских высказываний об истории его можно применять в полной мере, лишь нивелируя принципиальное различие между *Geschichte* (с надеждой на нахождение в ней априорных элементов) и *Historie* (имеющей сугубо эмпирический характер), а также игнорируя причины эксплицитного отсутствия подобного вопроса у Канта (в отношении *Historie* вопрос о науке тривиален и ответ очевиден, в то время как *Geschichte* не есть «наука» и потому вопрос о ней не может быть задан). Более того, как раз в этом случае не спасет и апелляция к основным следствиям кантовского трансцендентального идеализма. В отношении физики как науки о явлениях и самих явлений можно было бы попробовать стереть границу, учитывая знаменитый кантовский тезис из «Пролегоменов...»: «...рассудок не черпает свои законы (a priori) из природы, а предписывает их ей» (AA 04, S. 320 (§ 36); Кант, 1994, с. 80). Но это невозможно в случае истории, в отношении которой Природа⁴ (или провидение (AA

tion of the *Critique of Pure Reason* (B 20–22). The question about history as a science is a legitimate one for Shpet. But it can only be fully applied to the whole body of Kant's utterances about history if we ignore the fundamental difference between *Geschichte* (hoping to find *a priori* elements in it) and *Historie* (which has a strictly empirical character), and ignore the reason for which this question is not explicitly asked by Kant (with regard to *Historie*, the question about science is trivial and the answer is obvious; whereas *Geschichte* is not a "science", such that the question cannot be asked). Moreover, an appeal to the main consequences of Kant's transcendental idealism does not help here. With regard to physics as a science of phenomena and the phenomena themselves, one might try to erase the boundary considering the famous Kantian thesis from *Prolegomena* (§ 36): "[...] *the understanding does not draw its (a priori) laws from nature, but prescribes them to it*" (*Prol*, AA 04, p. 320; Kant, 2004, p. 112). But that is not possible in the case of history, with respect to which nature (or providence — *IaG*, AA 08, p. 30; Kant, 2006, p. 16) creates its own plan which history implements. Nature forces the human race during the course of history to achieve "*a civil society which administers right universally*" (*IaG*, AA 08, p. 22; Kant, 2006, p. 8). These are two different "natures"; indeed, the polysemy of the Kantian concept of nature is a major problem of Kant's critical philosophy.⁴

The tension between the *a priori* thread of history and empirically unfolding history affects the way Shpet interprets Kant's view of truth. The introduction to transcendental logic in the *Critique of Pure Reason* with its famous

⁴ Поскольку все существительные в немецком языке пишутся с заглавной буквы, русский перевод кантовского понятия *Natur* как «природы» или «Природы» является содержательным толкованием переводчика.

⁴ Another philosophical chapter in which the ambiguity of "nature" manifests itself with explosive force, though in a different way than in the philosophical reflections on history, is natural right (*Naturrecht*); see more on this in Krouglov (2025, pp. 40–56).

08, S. 30; Кант, 2024, с. 46)) создает план, который история и реализует. Природа принуждает человеческий род в ходе истории к достижению «*всеобщего правового гражданского общества*» (AA 08, S. 22; Кант, 2024, с. 36). Это две разные «природы», и многозначность кантовского понятия природы — одна из существенных проблем кантовской критической философии⁵.

Напряжение между априорной нитью истории и эмпирически составляемой историей сказалось в трактовке Шпетом проблемы истины у Канта. Вступительный раздел в трансцендентальной логике «Критики чистого разума» со знаменитым вопросом «*Что есть истина?*» (B 82; Кант, 2006, с. 145) оказался камнем преткновения для целого ряда русских философов в начале XX в. В 1912 г. В. Ф. Эрн в статье «Критика кантовского понятия истины» из кантовского тезиса о невозможности *всеобщего* материального критерия истины сделал вывод о невозможности вообще какого-либо материального критерия истины (см.: Эрн, 1912). Четыре года спустя Шпет приписал Канту критерий истины в виде необходимости и всеобщности («общегодности») суждений. Но ни в «Критике чистого разума», в которой идет речь о материальных и формальных критериях истины, ни в многочисленных конспектах лекций по логике, недоступных Шпету⁶, в которых говорится о сильном (согласие других) и слабом (самостоятельная оценка) критерии истины⁷, Кант никогда не рассматривал всеобщность и необходимость в качестве критерия истины — строгая всеобщность и безусловная необходимость являются знаменитыми кантовскими призна-

⁵ Другим философским разделом, в котором эта двусмысленность «природы» проявляется с новой взрывоопасной силой, хотя и иначе, нежели в философской рефлексии об истории, является естественное (природное) право (Naturanrecht); см. об этом подробнее: (Круглов, 2025, с. 40–56).

⁶ Большинство записей кантовских лекций по логике были опубликованы лишь в 1960-х гг., а некоторые и еще позже.

⁷ См. классическое исследование этого вопроса: (Хинске, 2007, с. 99–120).

question, “**What is truth?**” (KrV, B 82; Kant, 1998, p. 197) turned out to be a stumbling block for a number of Russian philosophers in the twentieth century. In his 1912 article, “Critique of Kant’s Concept of Truth”, Vladimir Ern proceeds from Kant’s thesis about the impossibility of a *universal* material criterion of truth, concluding that there can be no material criterion of truth in general. Four years later, Shpet ascribes to Kant necessity and universality (“universal applicability”) of judgments as the criterion of truth. But neither in the *Critique of Pure Reason*, which deals with material and formal criteria of truth, nor in the numerous notes from the lectures on logic — to which Shpet had no access⁵ — which discuss the strong (agreement of others) and weak (independent assessment) criteria of truth, does Kant consider universality or unconditional utility to be criteria of truth;⁶ strict universality and unconditional utility are famous Kantian properties of knowledge and cognition *a priori* (cf. KrV, B 3-6). *A posteriori* knowledge, too, can be true. Thus, contrary to Shpet, the absence, among judgments about history, of *a priori* synthetic judgments does not speak for or against the truth of judgments.

Where Kant, in his philosophical reasoning, does speak about historical cognition (*historische Erkenntnis*) (see, for example, KrV, B 863-865), this is a result of Wolffian influence, and only remotely connected with the notion of history pursuing the Kantian *a priori* thread. One characteristic provision of Wolffian philosophy is the distinction between historical, mathematical, and philosophical knowledge (cf. Wolff, 1740, pp. 3-7 (§ 7-14)), a distinction which, incidentally, did not pass unnoticed by

⁵ The majority of notes on Kant’s lectures on logic were not published until the 1960s and some even later.

⁶ See the classic study of the question in Hinske (1998, pp. 74-90).

ками априорного знания и познания (см.: В 3–6; Кант, 2006, с. 53–57). Истинными же могут быть и апостериорные познания. Таким образом, вопреки Шпету отсутствие среди суждений об истории априорно-синтетических суждений не говорит ни в пользу, ни против истинности имеющихся суждений.

Если же у Канта в философских рассуждениях все же идет речь об историческом познании (*historische Erkenntnis*) (см., например: В 863–865; Кант, 2006, с. 1047–1049), то это следствие влияния вольфианской философии, и к представлениям об истории на основе априорной нити у Канта это имеет весьма косвенное отношение. Одно из характерных положений вольфианской философии — различие исторического, математического и философского познания (см.: Wolff, 1740, р. 3–7 (§ 7–14)), и данное различие, кстати, не осталось без внимания Шпета (см.: Шпет, 2014, с. 150, 207; ср. с. 348). Но историческое познание вольфианского типа хорошо укладывается в представления об эмпирическом описании истории (*Historie*). Следы именно этого вольфианского различия и обнаруживаются в логике и метафизике Канта даже в критический период, то есть уже после решительного разрыва с вольфианской философией как в методологическом, так и в содержательном плане.

Акцент Шпета на статьях Канта 1780-х гг., а также отказ от привлечения для разъяснения поставленных проблем кантовских трактатов по этике, причем даже несмотря на неоднократные упоминания самим Шпетом временной близости работы над «Идеей всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) и «Основоположением к метафизике нравов» (1785) (см.: Там же, с. 304, 312), привел к тому, что у русского философа возникло неустранимое для него недоумение: «...почему, в самом деле, “гражданское общество” и “союз народов” должно рассматривать как высшую и конечную цель не только истории, но и природы? Подлинно ли вся ценность религии, науки, искус-

Shpet (2014, pp. 150, 207; cf. p. 348). But historical knowledge of the Wolffian type fits neatly with the idea of the empirical description of history (*Historie*). Traces of this Wolffian distinction are found in Kant's logic and metaphysics, even in the critical period; that is, after he broke with Wolffian philosophy both in terms of methodology and substance.

Shpet's emphasis on Kant's articles of the 1780s, and his refusal to invoke Kantian treatises on ethics in order to explain problems — though Shpet more than once mentions the closeness in time between “An Idea for a Universal History from a Cosmopolitan Perspective” (1784) and *Groundwork of the Metaphysics of Morals* (1785) (see *ibid.*, pp. 304, 312) — resulted in a puzzle for the Russian philosopher: “[...] why indeed ‘civil society’ and ‘unity of peoples’ should be seen as the supreme and ultimate end not only of history, but also of nature? Is it true that the whole value of religion, science, art, and literature, etc. should be just a means of attaining ‘legal’ or political ends? What a pathetic and trivial meaning has Kant ascribed to the historical and world order!” (Shpet, 2014, p. 315). Kant may well be reproached for overrating and even, in a way, sacralizing law; but exaggeration of certain Kantian theses set forth in articles from the critical period prevents Shpet from seeing Kant's main motive, which has nothing to do with legal or political goals. This Kantian motive would have dispelled Shpet's puzzlement. *The Groundwork of the Metaphysics of Morals* and the *Natural Right Course Lecture Notes by Feyerabend* show convincingly that Kant speaks about the special position of man in terms of his will, which is neither absolutely kind, nor absolutely evil. This is what distinguishes man both from God and from animals. As a result of this special position, human beings must order, and submit to their own laws,

ства, литературы и пр. — должны быть только средством для достижения каких-то “юридических” или политических целей? Какой жалкий и ничтожный смысл открыл Кант в историческом и мировом порядке!» (Шпет, 2014, с. 315). Канта вполне можно упрекать в превознесении и даже некоей сакрализации права, однако преувеличение отдельных кантовских тезисов, изложенных в статьях критического периода, не позволяет Шпету увидеть главный кантовский мотив, который никак не связан с юридическими или политическими целями. Этот кантовский мотив вполне проясняет недоумение Шпета. «Основоположение к метафизике нравов» и еще не известные в годы жизни Шпета кантовские лекции «Естественное право Фейерабенд» убедительно показывают, что Кант ведет речь об особом местоположении человека с его не абсолютно доброй, но и не абсолютно злой волей. Это отличает человека как от Бога, так и от животных. Следствием этого особого положения человека является для него необходимость упорядочить и поставить под свои собственные законы свою свободу, *инструментом* чего в отношении внешней свободы и выступает право (см.: Соловьев, 2005, с. 137–138). И в этом смысле различие между Кантом и Гердером, провозгласившим: «Гуманность — цель человеческой природы, и ради ее достижения предал Бог судьбу человечества в руки самих людей» (Гердер, 1977, с. 428), далеко не так велико, как это может показаться на первый взгляд.

Наконец, две особенности полемики Шпета с Кантом по поводу истории обращают на себя внимание именно сегодня. Во-первых, Шпет совершенно справедливо показал двусмысленность и противоречивость (если учитывать ту же «Критику чистого разума») кантовского понятия априорной нити в истории с точки зрения трансцендентального идеализма. Правда, все работы Канта критического периода рассматриваются Шпетом скорее в качестве некоей единой неизменяемой картины, что несколько странно для произведения о ме-

their freedom, the external part of which law is an *instrument* (cf. Solovyov, 2005, pp. 137–138). In this sense, the difference between Kant and Herder, who declared: “Humanity is the end of human nature, and with this end God put the fate of mankind in their own hands” (Herder, 2024, p. 425), is not as great as it may seem at first glance.

Finally, two features of Shpet’s polemics with Kant have particular relevance today. First, Shpet quite rightly points out the ambiguity and contradictions (think of the *Critique of Pure Reason*, for example) in the Kantian conception of an *a priori* thread of history from the standpoint of transcendental idealism. True, Shpet sees all of Kant’s works of the critical period rather as a single unchanging picture, somewhat strangely for a work about methodology and the content of the historical science. Even in the 1780s, Kant’s thought was moving from the first edition of the *Critique of Pure Reason* to *Prolegomena*, and then to the second edition of the *Critique*. In 1787, he dropped a good many of the assertions made in 1781 and 1783. Likewise, he adjusted some of his theses from the 1784 article on enlightenment in the later treatises (*Critique of Judgment* and *Anthropology from a Pragmatic Point of View*). In all the major ethical tracts of the critical period, Kant changed his formulation of the categorical imperative and, indeed, the classification of imperatives. But after 1784 Kant never revisited the key arguments from the *Idea*.⁷ Absolutization of this particular work of Kant’s for the purposes of a reconstruction of his ideas about history may seriously distort the dynamics of Kant’s views.

Kant himself was, to some extent, aware of the problematic character of the *a priori* thread:

⁷ Although in Kant’s later works, one can find some elaboration of his ideas about antagonism or the development of human predispositions.

тодологии и содержании исторической науки. Даже в 1780-х гг. мысль Канта находилась в постоянном движении от первого издания «Критики чистого разума» к «Пролегоменам...», а затем и ко второму изданию «Критики чистого разума». От немалого числа своих утверждений 1781 и 1783 гг. Кант в 1787 г. отказался. Равным образом он скорректировал и ряд своих тезисов из статьи о просвещении 1784 г. в поздних трактатах («Критика способности суждения» и «Антропология с прагматической точки зрения»). Во всех крупных этических трактатах критического периода Кант изменял свои формулировки категорического императива, равно как и саму классификацию императивов. Но к ключевым рассуждениям из «Идеи...» об истории в узком смысле слова Кант после 1784 г. практически более не обращался⁸. Абсолютизация именно этой работы Канта для реконструкции его представлений об истории может существенно исказить динамичные взгляды Канта.

Проблематичность априорной нити в истории в определенной мере осознавал и сам Кант: «Правда, пытаться написать *историю*, исходя из идеи о том, как должен сложиться ход вещей, если бы он осуществлялся сообразно определенным разумным целям, представляется странным и, по видимости, нелепым намерением; с таким замыслом может получиться, кажется, только *роман*» (AA 08, S. 29; Кант, 2024, с. 44–45). Тем не менее в этом более чем странном понятии Канта скрывался большой внутренний потенциал, словно иллюстрирующий гегелевские размышления о плодотворности противоречия, который затем – в разных направлениях не совсем в кантовском, но и не полностью в некантовском смысле – после проекта «критики исторического разума» Вильгельма Дильтея в той или иной мере был реализован в работах Мишеля Фуко, в качестве исторического априори истолковавшего выяв-

⁸ Хотя в более поздних произведениях Канта и можно найти определенное развитие кантовских идей об антагонизме или о развитии человеческих задатков.

“It is indeed an odd and seemingly inconsistent approach to want to narrate a *history* according to an idea of how the course of the world would have to progress if it is to be adequate to certain rational aims; it may seem that such a project could yield only a *novel*” (IaG, AA 08, p. 29; Kant, 2006, pp. 14-15). Nevertheless, this more than “odd” notion had great potential, foreshadowing Hegel’s thought on the fruitfulness of contradiction which was subsequently, in various directions – not quite in the Kantian way but not fully in the non-Kantian way either – realized to various degrees in Wilhelm Dilthey’s project of a “critique of historical reason” by Michel Foucault (1994, pp. XXII-XXIV; 1972, p. 127), who interpreted as historical *a priori* the epistemes he had revealed; or that of Kurt Hubner (1985, pp. 255-256; 2002, pp. 85-87, 269-270) who isolated a group of principles of historically changeable *a priori* propositions underpinning science and justified by the historical background. Hubner subsequently extended these historically changeable *a priori* propositions to myth. Having noted all this, it would probably be too much to expect a talented translator of Hegel to have divined such an historical potential back in 1916.

Secondly, Shpet was one of the first in Russia to pay attention to the Kant–Herder controversy about history, which is of course to his credit. Moreover, he insightfully noted as one of the key points of divergence between Herder and Kant their attitude towards the question of mankind (Shpet, 2014, p. 326). Shpet looks at the problem from many different sides, including from the point of view of the bearers of “humanity” in history. But although Shpet directs the question to Kant, “how should one understand ‘mankind’?” (*ibid.*, p. 313), he overlooks one circumstance. Whatever flaws in content or methodology one

ляемые им эпистемы (см.: Фуко, 1994, с. 34–35; 1996, с. 128), или Курта Хюбнера, выделившего группу установлений исторически изменчивых априорных положений, лежащих в основании науки и находящих свое оправдание в историческом фоне, а затем распространившего эти исторически изменчивые априорные положения и на миф (см.: Хюбнер, 1994, с. 78, 215; 1996, с. 235). Правда, само это ожидание от блестящего переводчика Гегеля, чтобы он уже в 1916 г. угадал подобный потенциал исторического априори является, вероятно, все же чем-то чрезмерным.

Во-вторых, Шпет как минимум один из первых в России обратился к спору Канта и Гердера об истории, и в этом состоит его несомненная заслуга. Более того, он проницательно заметил, что к ключевым точкам их расхождения принадлежит «отношение Гердера и Канта к вопросу о “человечестве”...» (Шпет, 2014, с. 326). Эту проблему Шпет рассматривает с самых разных сторон, в том числе и с точки зрения носителей «человечества» в истории. Но хотя Шпет прямо формулирует в отношении Канта вопрос, «как понимать “человечество”?» (Там же, с. 313), одно фактическое обстоятельство осталось за пределами его внимания. Какие бы содержательные или методологические изъяны ни обнаруживались в позиции Гердера, она — в особенности для времени немецкого Просвещения — во многом была исключительной, ибо преодолевала европоцентризм и высокомерное пренебрежение в адрес незападноевропейских народов и культур. Гердер включает в свое рассмотрение исторического процесса практически все народы и регионы: это и Китай, и Индостан, и Египет, и Междуречье, и Африка, и Европа, подчеркивая при этом:

...счастье поселило человека здесь или там и способности человека, меру и характер радостей его и печалей определило в зависимости от страны, времени, органического строения, обстоятельств, в которых он живет. Требовать, чтобы для своего счастья обитатели всех ча-

may find in Herder’s position, it was in many ways exceptional for its time, especially in the German Enlightenment, because it overcame Euro-centrism and arrogance with regard to non-West European peoples and cultures. Herder includes in his account of the historical process practically all the world’s peoples and regions: China, Hindustan, Egypt, Mesopotamia, Africa, and Europe. He writes:

[...] Fortune (*Glück*) [...] has placed him in this locality or that one, and has determined the capacity of his enjoyment, the kind and measure of his gladness and sorrows, according to the country, time, organization, and circumstances in which he lives. It would be mad pride to presume that, in order to live happily, the inhabitants of the rest of the world must be Europeans: for would we ourselves have become what we are if we had lived outside Europe? He who put us here, and others there, gave them an equal right to the enjoyment of earthly life (Herder, 2024, p. 219).

Moreover, in Russia, this feature of Herder’s philosophy of history was deeply appreciated and he had the sympathy of several generations of Russians on account of his positive and hopeful attitude to the Slavs (*cf.* Drews, 1990).

Although in Kant’s articles on history⁸ ‘mankind’ refers above all to the genus, as Shpet rightly notes, the question — especially against the background of Herder — of *who* Kant included in the genus that acts in history suggests itself. In some of his important ethical

⁸The concept of *Menschheit* turns out to be polysemantic with Kant, such that it is not always possible to convey it in Russian translation. In addition to the collective concept of ‘people’ and ‘the human race’, which it means in history articles, the same word is used to denote ‘humanity’ — although in the latter case Kant sometimes uses other words, for example *Menschlichkeit* (*humanitas*) and *Humanität*.

стей света становились европейцами, – это неразумная гордыня, – разве мы сами стали бы помимо Европы тем, чем мы стали? Тот же, кто поселил нас здесь, других поселил там, и у них те же, что у нас, права наслаждаться земною жизнью (Гердер, 1977, с. 221).

Более того, как раз в России XIX в. эта черта философии истории Гердера была с благодарностью отмечена, и за позитивный, полный надежды взгляд на славян Гердер удостоился симпатий нескольких поколений россиян (см. об этом: Drews, 1990).

Хотя «человечество» Канта в статьях по истории⁹ – это, как справедливо отмечает Шпет, прежде всего род, возникает – особенно на фоне Гердера – вопрос, кто именно включался Кантом в этот род, действующий в истории. По меньшей мере в ряде важных этических трактатов Кант не отождествлял людей и разумных существ, а считал первых лишь одной из разновидностей вторых, формулируя при этом моральные требования именно для разумных существ. До конца своей жизни Кант был убежден в существовании обитаемых планет помимо Земли. Но наряду с этим широким толкованием разумных существ целый ряд утверждений Канта свидетельствует в пользу узкого толкования «человечества». Так, в изданной Ф. Т. Ринком еще в 1802 г. «Физической географии» Канта без обиняков утверждается: «В жарких странах человек взрослеет во всех отношениях раньше, не достигает, однако, совершенства умеренных зон. Человечество в своем наибольшем совершенстве являет себя в расе белых. Уже желтые индейцы (Indianer) имеют меньший талант. Негры стоят намного ниже, а ниже всего стоит часть американских наро-

⁹Само понятие «Menschheit» оказывается у Канта многозначным, и это далеко не всегда удается передать в русском переводе. Помимо значения собирательного понятия людей, человеческого рода, что имеет место в статьях по истории, это же понятие используется и для обозначения человечности, хотя в последнем случае Кант иногда применяет и иные понятия – «Menschlichkeit (humanitas)» и «Humanität».

treatises, at least, Kant did not identify ‘people’ with ‘intelligent creatures’, considering the former to be a species of the latter while formulating moral principles precisely for intelligent creatures. Until his death, Kant was convinced that there existed inhabited planets other than the Earth. But along with this broad interpretation of intelligent creatures, several of Kant’s assertions betray a narrow interpretation of “mankind”. Thus, Kant’s *Physical Geography*, published by Friedrich Theodor Rink in 1802, reads: “In the torrid zones, humans mature more quickly in all aspects than in the temperate zones, but they fail to reach the same [degree of] perfection. Humanity has its highest degree of perfection in the white race. The yellow Indians have a somewhat lesser talent. The Negroes are much lower, and lowest of all is part of the American races” (PG, AA 09, p. 316; Kant, 2012, p. 576).⁹ Regrettably, Shpet left untouched this aspect of the “history of mankind” according to Kant and Herder, which in our day is the subject of heated discussions both in global Kant scholarship and in broader circles outside academia.

References

Chaly, V.A., 2021. Kant’s Menschheit and Its Interpretations. *Con-Textos Kantianos – International Journal of Philosophy*, 14, pp. 327-343. <https://dx.doi.org/10.5281/zenodo.5776039>

Drews, P., 1990. *Herder und die Slawen. Materialien zur Wirkungsgeschichte bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts*. München: Sagner.

Ern, V.F., 1912. Critique of Kant’s Concept of Truth. In: *Filosofskij sbornik: L’vu Mihajlovichu Lopatinu k 30-letiyu nauchno-pedagogicheskoj deyatel’nosti ot Mosk. psichol. o-va, 1881–1911* [Philosophical Collection: To Lev Mikhailovich Lopatin on the 30th Anniversary of His Scientific and Pedagogical Activity from the Moscow Psycho-

⁹The first part of Kant’s *Physical Geography* was published recently in Russian (Kant, 2023).

дов» (АА 09, S. 316)¹⁰. К сожалению, этот аспект «истории человечества» Канта и Гердера, вызывающий в наши дни серьезные дискуссии как в самом мировом кантоведении, так и в более широких внеакадемических кругах, остался у Шпета за чертой рассмотрения.

Список литературы

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А. В. Михайлова. М. : Наука, 1977.

Гулыга А. В. Гердер. М. : Соцэкгиз, 1963.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 5–152.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В), 1787 // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1. С. 5–1071.

Кант И. Физическая география. 1 часть / пер. с нем. С. Б. Колбаневой, А. П. Портнягина ; науч. ред. А. В. Левченков; под ред. Л. В. Зубиной, Л. А. Гимбичкой, А. В. Сивковой. Калининград : ФГБУК «Музей-заповедник “Музей Мирового океана”», 2023.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ, 2024. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 31–47.

Круглов А. Н. Кант и Гегель: естественное право или философия права? // Философский журнал. 2025. Т. 18, № 3. С. 40–56. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-3-40-56>.

Микешина Л. А. Г. Г. Шпет как методолог исторического знания // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 3. С. 128–137. <https://dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-3/128-137>.

Соловьев Э. Ю. Категорический императив нравственности и права. М. : Прогресс-Традиция, 2005.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сад, 1994.

Фуко М. Археология знания. Киев : Ника-центр, 1996.

Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта; Без примечаний: афоризмы / пер. с нем. под ред. Н. В. Мотрошиловой. М. : Культурная революция, 2007.

¹⁰На русском языке недавно вышла первая часть «Физической географии» Канта (Кант, 2023).

logical Society, 1881–1911]. Moscow: I.N. Kushnerev, pp. 49-61 (In Rus.)

Foucault, M., 1972. *The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language*. New York: Pantheon Books.

Foucault, M., 1994. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. New York: Vintage Books.

Gulyga, A.V., 1963. *Gerder [Herder]*. Moscow: Socek-giz. (In Rus.)

Herder, J.G., 2024. *Ideas for the Philosophy of the History of Mankind*. Edited and translated by G.M. Moore. Princeton & Oxford: Princeton University Press.

Hinske, N., 1998. *Zwischen Aufklärung und Vernunftkritik: Studien zum Kantschen Logikcorpus*. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog.

Hübner, K., 1985. *Die Wahrheit des Mythos*. München: Beck.

Hübner, K., 2002. *Kritik der wissenschaftlichen Vernunft. Fourth Edition*. Freiburg im Breisgau, München: Alber.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited and translated by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2004. *Prolegomena to any Future Metaphysics that Will be Able to Come forward as Science*. In: I. Kant, 2004. *Theoretical Philosophy after 1781*. Translated by G. Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 29-170.

Kant, I., 2006. Idea for a Universal History from a Cosmopolitan Perspective. In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited and with an introduction by P. Kleingeld; translated by D.L. Colclasure. New Haven and London: Yale University Press, pp. 3-16.

Kant, I., 2023. *Fizicheskaya geografiya. 1 chast'* [Physical Geography. Part 1]. Translated by S. B. Kolbaneva and A. P. Portnyagin; edited by A. V. Levchenkov, L.V. Zubina, L. A. Gimbickaya and A. V. Sivkova. Kaliningrad: FGBUK “Muzej-zapovednik ‘Muzej Mirovogo okeana’”. (In Rus.)

Krouglov, A. N. 2025. Kant and Hegel: Natural Law or Philosophy of Law? *Filosofskii zhurnal | Philosophy Journal*, 18(3), pp. 40-56. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-3-40-56> (In Rus.)

Menzer, P., 1911. *Kants Lehre von der Entwicklung in Natur und Geschichte*. Berlin: Georg Reimer.

Mikeshina, L. A., 2018. Gustav Shpet as a Methodologist of Historical Knowledge. *Humanities research*

Хлюбер К. Истина мифа. М. : Республика, 1996.

Хлюбер К. Критика научного разума. М. : ИФРАН, 1994.

Шпет Г. Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования / отв. ред. Т. Г. Щедрина. М. ; СПб. : Университетская книга, 2014. Ч. 1 : Материалы.

Эрих В. Ф. Критика кантовского понятия истины // Философский сборник: Льву Михайловичу Лопатину к 30-летию научно-педагогической деятельности от Моск. психол. о-ва, 1881–1911. М. : Т-ва И. Н. Кушнерев, 1912. С. 49–61.

Chaly V. A. Kant's Menschheit and Its Interpretations // Con-Textos Kantianos – International Journal of Philosophy. 2021. Vol. 14. P. 327–343. <https://dx.doi.org/10.5281/zenodo.5776039>.

Drewnowski P. Herder und die Slawen. Materialien zur Wirkungsgeschichte bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. München : Sagner, 1990.

Menzer P. Kants Lehre von der Entwicklung in Natur und Geschichte. Berlin : Georg Reimer, 1911.

Wolff Chr. Philosophia rationalis sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata. Praemittitur discursus praeliminaris de philosophia in genere. Editio tertia emendatior. Frankfurt : Renger, 1740.

Об авторе

Алексей Николаевич **Круглов**, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1152-1309>

Для цитирования:

Круглов А. Н. Критика Г. Г. Шпетом «истории» у И. Канта // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 2. С. 61–75.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-2-3>

© Круглов А. Н., 2025.

in the Russian Far East, 3, pp. 128-137. <https://dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-3/128-137> (In Rus.)

Shpet, G. G., 2014. *Istoriya kak problema logiki. Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya* [History as a Problem of Logic. Critical and Methodological Studies]. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow & Saint Petersburg: Universitetskaya kniga.

Solov'ev, E. Yu., 2005. *Kategoricheskij imperativ npravstvennosti i prava* [The Categorical Imperative of Morality and Law]. Moscow: Progress-Tradiciya. (In Rus.)

Wolff, Ch., 1740. *Philosophia rationalis sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata. Praemittitur discursus praeliminaris de philosophia in genere*. Editio tertia emendatior. Frankfurt: Renger.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr Alexei N. **Krouglov**, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1152-1309>

To cite this article:

Krouglov, A. N., 2025. Gustav Shpet's Critique of Kant's "History". *Kantian Journal*, 44(2), pp. 61-75.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-2-3>

© Krouglov A. N., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))